

И. А. Бунин (1870-1953)

**Венец каждой
человеческой жизни
есть память о ней, -
высшее, что
обещают человеку
над его гробом, это
память вечную.**

**И нет той души,
которая не томилась
бы втайне мечтою
об этом венце.**

«Антоновские яблоки»

...Вспоминается мне ранняя погожая осень. Август был с теплыми дождиками, как будто нарочно выпадавшими для сева, - с дождиками в самую пору, в середине месяца, около праздника св. Лаврентия.

... Помню раннее, свежее, тихое утро...

Помню большой, весь золотой, подсохший и поредевший сад,

помню кленовые аллеи, тонкий аромат опавшей листвы и - запах антоновских яблок, запах меда и осенней свежести.

**"Ядреная
антоновка - к
веселому году".
Деревенские
дела хороши,
если антоновка
уродилась:
значит, и хлеб
уродился...**

**Вспоминается
мне урожайный
год.**

На голове ее "рога", -- косы положены по бокам макушки и покрыты несколькими платками, так что голова кажется огромной; ноги, в полусапожках с подковками, стоят тупо и крепко; безрукавка -- плисовая, занавеска длинная, а понева -- черно-лиловая с полосами кирпичного цвета и обложенная на подоле широким золотым "прозументом"...

- Хозяйственная бабочка! - говорит о ней мещанин, покачивая головою. - Переводятся теперь и такие...

Пожилая женщина в старинном сарафане.
Пермская губ., Чердынский у. Конец XIX в.
РЭМ. Кол. 8764-423

Молодая женщина.
Рязанская губ. 1867.
РЭМ. Кол. 8764-808

Группа женщин в праздничных костюмах.
Нижегородская губ., 1867.
РЭМ. Кол. 8764-454

narodko.ru

- И когда это ты умрешь, Панкрат?
Небось тебе лет сто будет?
- Как изволите говорить, батюшка?
- Сколько тебе годов, спрашиваю!
- А не знаю-с, батюшка.
- Да Платона Аполлоновича-то помнишь?
- Как же-с, батюшка, - явственно помню.
Старик, который стоит перед барином
вытянувшись, кротко виновато улыбается.
Что ж, мол, делать, - виноват, зажился.
И он, вероятно, еще более зажился бы,
если бы не объелся в Петровки луку.
- Помню и старуху его.

Склад средней дворянской жизни еще и на моей памяти, - очень недавно, - имел много общего со складом богатой мужицкой жизни по своей домовитости и сельскому старосветскому благополучию.

Такова, например, была усадьба тетки Анны Герасимовны, жившей от Выселок верстах в двенадцати.

Войдешь в дом и прежде всего услышишь запах яблок, а потом уже другие: старой мебели красного дерева, сушеного липового цвета, который с июня лежит на окнах... Во всех комнатах - в лакейской, в зале, в гостиной, - прохладно и сумрачно: это оттого, что дом окружен садом, а верхние стекла окон цветные: синие и лиловые. Всюду тишина и чистота, хотя, кажется, кресла, столы с инкрустациями и зеркала в узеньких и витых золотых рамах никогда не трогались с места.

Запах антоновских яблок исчезает из помещичьих усадеб. Эти дни были так недавно, а меж тем мне кажется, что с тех пор прошло чуть не целое столетие. Перемерли старики в Выселках, умерла Анна Герасимовна, застрелился Арсений Семеныч...

Наступает царство мелкопоместных, обедневших до нищенства.

За последние годы одно поддерживало угасающий дух помещиков - охота.

После охоты, отдых был
длинным. Проснешься и долго лежишь в
доме - тишина. Впереди - целый
неизменный уже
двор усадьбе.

Иногда, побродившись
по саду, найдешь в мокрой листве
случайно забытое холодное и
мокрое яблоко, и почему-то оно
покажется необыкновенно вкусным,
совсем не таким, как другие.

Потом примешься за книги - дедовские книги в толстых кожаных переплетах, с золотыми звездочками на сафьяновых корешках.

Славно пахнут эти, похожие на церковные требники книги своей пожелтевшей, толстой шершавой бумагой! Какой-то приятной кисловатой плесенью, старинными духами...

Хороши и заметки на их полях, крупно и с круглыми мягкими росчерками сделанные гусиным пером. Развернешь книгу и читаешь: "Мысль, достойная древних и новых философов, цвет разума и чувства сердечного"... И не вольно увлечешься и самой книгой.

Это - "Дворянин-философ", аллегория, изданная лет сто тому назад иждивением какого-то "кавалера многих орденов" и напечатанная в типографии приказа общественного призрения.

Вот "Тайны Алексиса", вот "Виктор, или Дитя в лесу": "Бьет полночь! Священная тишина заступает место дневного шума и веселых песен поселян. Сон простирает мрачные крылья свои над поверхностью нашего полушария; он стрясает с них мак и мечты... Мечты... Как часто продолжают они токмо страдания злощастнаго!.." И замелькают перед глазами любимые старинные слова: скалы и дубравы, бледная луна и одиночество, привидения и призраки, "ероты", розы и лилии, "проказы и резвости молодых шалунов", лилейная рука, Людмилы и Алины...

А вот журналы с именами Жуковского, Батюшкова, лицеиста Пушкина. И с грустью вспомнишь бабушку, ее полонезы на клавикордах, ее томное чтение стихов из "Евгения Онегина".

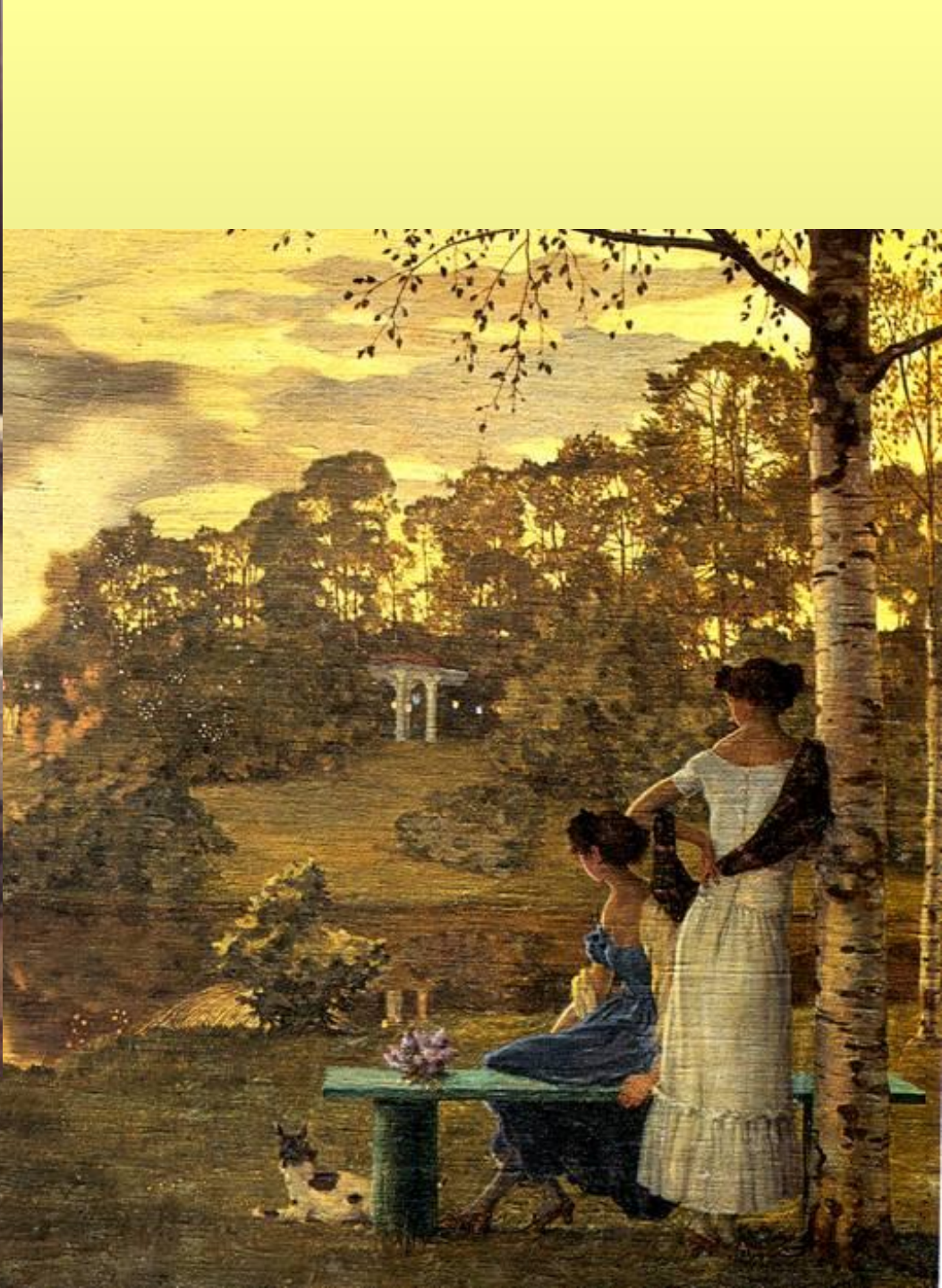
Хорошие девушки и женщины жили когда-то в дворянских усадьбах! Их портреты глядят на меня со стены, аристократически-красивые головки в старинных прическах кротко и женственно опускают свои длинные ресницы на печальные и нежные глаза...

– Зазимок, первый снег! Борзых нет, охотиться в ноябре не с чем; но наступает зима, начинается "работа" с гончими. И вот опять, как в прежние времена, съезжаются мелкопоместные друг к другу, пьют на последние деньги, по целым дням пропадают в снежных полях. А вечером на каком-нибудь глухом хуторе далеко светятся в темноте зимней ночи окна флигеля. Там, в этом маленьком флигеле, плавают клубы дыма, тускло горят сальные свечи, настраивается гитара...

На сумерки буен ветер загулял,
Широки мои ворота растворял, -
начинает кто-нибудь грудным тенором. И прочие
нескладно, прикидываясь, что они шутят, подхватывают с
грустной, безнадежной удалью:
Широки мои ворота растворял.
Белым снегом путь-дорогу заметал...

Все в прошлом

***Широки мои ворота растворял,
Белым снегом путь-дорогу
заметал...***

